

Мартин Бубер. Два образа веры

2

Согласно сообщению Мф., основной призыв начальной проповеди Иисуса в Галилее был тождествен призыву, которым Иоанн Креститель ранее, согласно тому же евангелию, всякий раз открывал очищение водой в Иудейской пустыне. Вероятно, с этими словами он совершил и очищение Иисуса: "Возвратитесь, ибо приблизилось царствование Бога". У Марка же, где Креститель не говорит этих слов, призыв Иисуса, в котором мы вместо требующего и обосновывающего проповеднического стиля замечаем духовидческий бурлящий ритм, звучит так: "Исполнилось назначенное время, и приблизилось царствование Бога. Возвратитесь и верьте в Весть"(7). (В конце тут употреблена та же глагольно-предложная конструкция, что и в одном стихе из греческого перевода книги Псалмов)(8). И в обоих этих местах глагол имеет одинаковый смысл - "доверять", поэтому заключительные слова в этом тексте Мк. можно перевести так: "Доверяйте Вести!" Некоторые интерпретаторы сомневаются, что к слушателю было обращено требование верить тому "евангелию", которое здесь же впервые сообщается ему. Так, Эрих Клостерман замечает: "Вряд ли Иисус мог так сказать"(9). Однако не следует заходить так далеко, чтобы и сам глагол рассматривать здесь как вторичный, как часть этого добавления. "Возвратитесь и *доверяйте!*" звучит не только вполне подлинно, но еще и придает концовке стиха своеобразную силу и законченность, которые иначе едва ли были бы достигнуты. Выходит, что здесь этот глагол тоже употребляется в абсолютном смысле. А это значит, что проповедник стремится уже не к тому, чтобы слушатели *поверили его словам*. Он обращает их внимание на центральное содержание самой вести: предвечно назначенный час пришел, ибо существующее с самого начала, но до сих пор скрытое царственное правление Бога над Его миром приближается к миру, чтобы осуществиться в нем, когда мир примет его. Чтобы быть в состоянии принять его, возвратись, слушатель, с твоих ложных путей на путь Бога, вступи с Ним в общение, в котором царит универсальная возможность, и покорись Его могуществу.

Из трех принципов этой вести: осуществление Царства; возвращение к Богу; основанное на вере отношение к Нему - первый принцип имеет историческое и сверхисторическое, космическое и сверхкосмическое измерения. Второй принцип затрагивает того, к кому обращена весть, т. е. человека из общины Израиля. В этом человеке обретает конкретную реальность человеческое начало, к которому обращена весть; и через этого человека второй принцип затрагивает Израиль как таковой, в котором обретает конкретную реальность все человечество. Третий принцип касается только личности. Ведь возвращение к Богу может совершить народ как таковой, оно может произойти в его истории. Но реальность отношения по природе своей обретает место исключительно в личностной жизни и нигде больше не может проявиться. Так вот: первый из этих принципов, касающийся бытия всего сущего, теснейшим образом связан с двумя

другими, которые ограничены собственной жизнью тех, к кому обращена весть. Царственно правящая миром Дюнамис (Сила), хотя постоянно и непосредственно действующая, но до сих пор не появлявшаяся, теперь в своем движении с небес к земле настолько близко склонилась к ней, что род человеческий, что Израиль, что еврей, к которому обращена весть, могут овладеть этой силой, возвратившись к Богу всей своей жизнью.

С тех пор как весть об исполненном времени (кайрос) была провозглашена Иоанном Крестителем, "каждый" человек, а значит, всякий человек, совершающий требуемое возвращение, "усилием входит" в Царство (как об этом говорит вызывающая многочисленные споры логия Иисуса: Лк. 16:16; ср. Мф. 11:12)(10), "усилием", которое уже затрагивает его сущностную сферу, чтобы Царство все больше и больше могло становиться земной реальностью. И, однако, это событие в ходе его свершения отдельный человек - именно как индивидуальность - может и не замечать, он должен "верить", вернее, доверять. Но это вовсе и не простое душевное состояние, которое требуется в дополнение к возвращению; более того, даже самое решительное, самое эффективное возвращение еще не приводит к удовлетворительной человеческой реальности. Для этого требуется кое-что еще, равно как и возвращение, выходящее за пределы одной только души и пронизывающее собой всю телесность жизни, - требуется пистис, вернее, эмуна. Так как настало время исполнения сроков (кайрос), человек, возвращающийся на путь Бога, вторгается в Дюнамис - правящую миром силу, - но он остался бы самозванцем, отягощенным силой и негодным для дел Божьих, если бы как "верующий" не предал себя этой силе. Происходящее в мировых пределах "возвращение", "тшува"(11), с неизбежностью переданное греческим переводчиком как "метанойя", как простая "перемена ума", что умалило его телесную реальность, и непосредственно вытекающая из первоначального отношения к Божественному "эмуна", доверие, с такой же неизбежностью превращенная переводчиком в "пистис", "веру" (т. е. в нечто за-истину-признанное), - требуют и обуславливают друг друга.

Эти три основания вести - наследие религиозности Израиля - и отнесены здесь к эпохе Иисуса, говорящего об обращении, как ко времени исполнения сроков, и таким образом соотносятся друг с другом. В книгах, которые позже, после смерти Иисуса, были названы его последователями "Ветхим Заветом" и в живом полнозвучии которых вырос Иисус, эти три основания вести сложились из скудных, но чреватых развитием начал. Владычество Бога как владычество Бога над Израилем было возведено снизу, в песне Моисея и Мариам. Синайское же откровение (Исх. 19:6) было провозглашено свыше(12). Пророчества говорили о центральном месте, которое ожидается владычество Бога над избранным народом займет в будущем явлении владычества Бога над миром, где царь Израиля как "Царь народов" (Иер. 10:7) объединит их всех; а творцы псалмов воспевали Его воцарение как космическое и земное, пребывающее в вечности и грядущее событие. Призыв возвратиться "к Богу" - постоянное слово на устах израильского пророка. От этого призыва исходят, даже если он не произносится во всеуслышание, обещание и проклятие. В полном охвате своего смысла этот призыв становится известным только тому, кто представляет себе, в каком соотношении требуемое "возвращение" народа находится к "от-вращению" Бога от

гнева или "обращению" Его к Израилю (связь "возвращения" и "от-вращения" неоднократно подчеркивается у пророков), но не в таком, в каком следствие соотносится со своей причиной: это подобно соотносящимся между собой высказываниям двух собеседников, в разговоре которых и неизмеримо более слабый партнер сохраняет свой образ свободы. Полностью эта диалогика раскрывается для нас только тогда, когда в эпоху после катастрофы в исполненном суровости слове Бога, возвестившем: "Возвратитесь ко Мне, и Я обращусь к вам" (Зах. 1:3, Мал. 3:7), мы слышим раздававшийся еще до катастрофы вопль снизу: "Обрати меня, и я вернусь к Тебе" (Иер. 31:18), а после катастрофы слышим снова звучащий, но уже прояснившийся и просветленный голос: "Обрати нас к Тебе, Господи, и мы возвратимся" (Плач 5:21). Люди, замыслившие возвращение "всем своим сердцем и всем своим существом" (1 Цар. 8:48), узнают и признают, что для его совершения им понадобится милость их Царя. И вот к этим двум началам вести Иисуса - признанию Царства и верности Царю, достижимой во всецелой преданности Царству, присоединяется как третье начало эмуна.

Императив "верьте" ("доверяйте") мы находим в Ветхом Завете, в позднем тексте, в одном из повествований книги Хроник (2 Хрон. 20:20). Иосафат Иудейский в контексте, весьма сомнительном исторически, держит речь к своему войску перед битвой, и вот что он говорит: "Доверяйте (haaminu) Господу, Богу вашему и получите поддержку (teamenu, буквально что-то вроде: "вы будете стойки"). Этот текст - очень слабое подражание речи Исаии к Ахаву Иудейскому (Ис. 7:9): "Если вы не доверяете, то останетесь без поддержки". И здесь тоже, благодаря абсолютному употреблению глагола, ясно обнаруживается один его глубокий смысловой пласт. Перед нами, в соотношении двух этих глагольных форм, предстает отнюдь не просто игра слов. Как почти всегда бывает с древнееврейскими текстами, здесь для слушателя или читателя таким путем должно нечто открыться и в самом деле открывается ему. Два различных значения глагола в этой логии сводятся к одному изначальному смыслу - стойко держаться. Говоря нашим понятийным языком, пророк утверждает, что, только когда вы стойко придерживаетесь сущностного отношения вашей жизни, у вас есть действительная стойкость, постоянство. Подлинная устойчивость основ человеческого бытия зависит от подлинной устойчивости основополагающего отношения этого человека к силе, творящей его бытие. Этот "экзистенциальный" характер эмуны в переводе словом "вера" выражается недостаточно полно, хотя глагол, от которого образовано имя "эмуна", довольно часто означает "верить" (кому-либо, во что-либо). В дальнейшем нужно принимать во внимание то обстоятельство, что понятие "эмуна" включает в себя обоюдосвязанные стороны устойчивости: активную - "верность" и рецептивную - "доверие". Если мы желаем воздать должное выразившейся здесь подлинной интенции духа еврейского языка, то нам не следует "доверие", как и "верность", понимать исключительно во внутреннем, психологическом смысле. Душа человека всецело вовлечена в состояние "верности", как и в состояние "доверия", но в обоих случаях решающей становится необходимость превращения душевного состояния в состояние жизни. И верность и доверие проявляются в реальной сфере отношения между двумя существами. Только в полной реальности подобного отношения можно

быть как верным, так и доверяющим.

Слова Исаии и Иисуса равным образом не требуют веры "в Бога": этой верой внимающие и тому и другому обладают как чем-то врожденным, само собой разумеющимся. Исаия и Иисус требуют осуществления веры в целостности жизни, а особенно тогда, когда обетование вырывается из самого средоточия катастрофы и, стало быть, особо указывает на близость Царства Божьего. Только Исаия смотрит на Царство как на неопределенное еще будущее, Иисус же - как на настоящее. Поэтому у Исаии три основания его вести разделены на три момента, которые в его повествовании от первого лица об истоках его выступления как пророка (гл. 6-8) следуют в тесной связи один за другим: вот он видит "Царя" (Ис. 6:5), вот он дает своему сыну имя "остаток возвратится" (подразумевается в 7:3), и вот он призывает неверных заместников Бога к доверию (7:9). У Иисуса же эти начала его вести слились в ядре его проповеди в Галилее.

7 О смысле этой логики см.: Dalman. *Die Worte Jesu* (1898). S. 84 f.

8 Пс. 106 (105):12.

9 Klostermann E. *Das Markusevangelium*. 2. Aufl. (1926). S. 14.

10 См. ниже в гл. 9. Я склонен думать, что в обоих местах фрагменты невозстановимого оригинального текста были спаяны со вторичными по происхождению элементами разного рода.

11 Следует все-таки заметить, что Ветхий Завет еще не употребляет этого имени, а только однокоренной глагол; возвращение здесь понимается еще исключительно как конкретно-актуальное событие.

12 Ср.: Buber. *Königtum Gottes* (1956). S. 93 ff; он же. *Moses* (1952). S. 88 ff, 120 ff.